

Таланты & поклонники

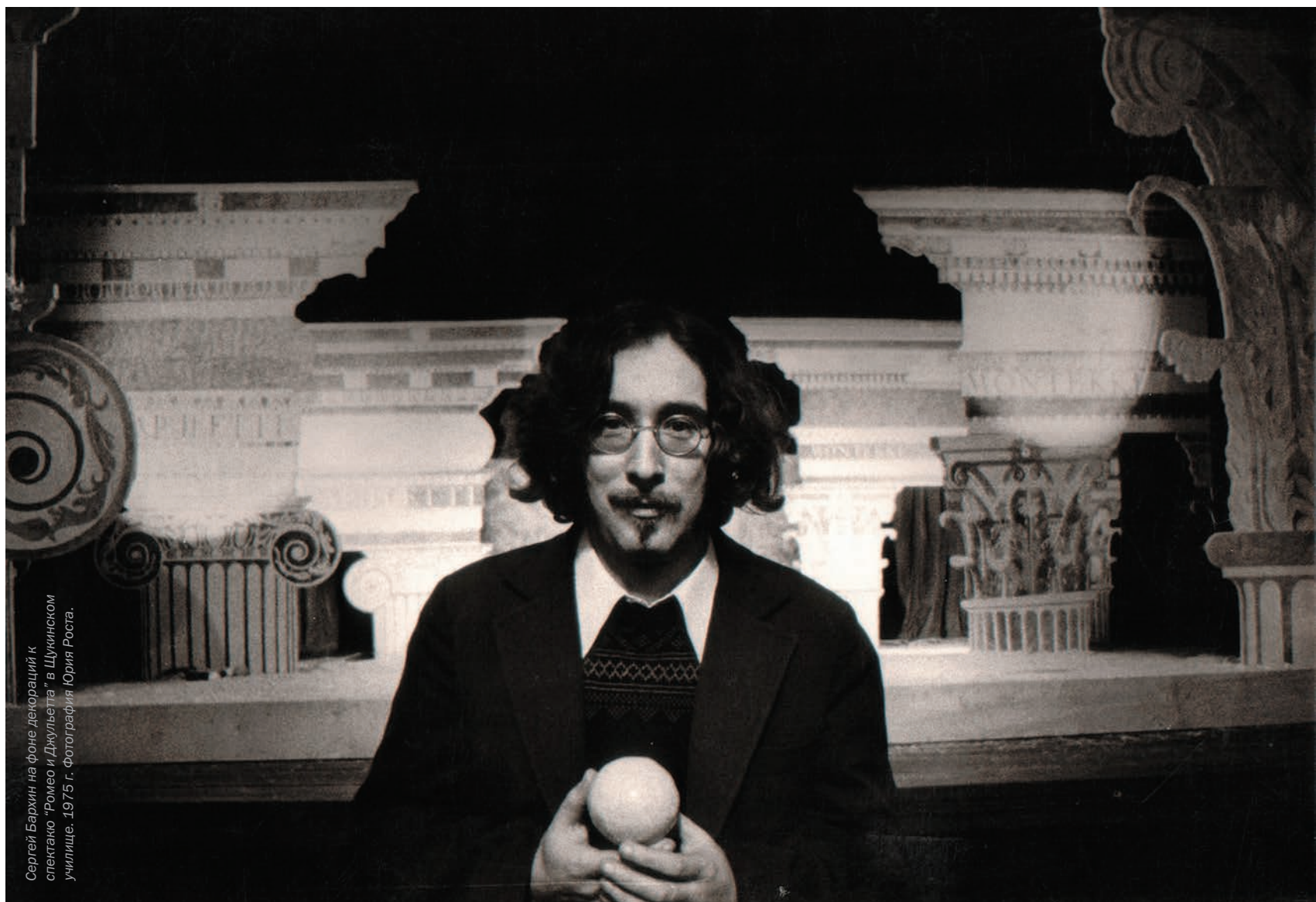

МОСКОВСКОГО
академического
имени
владимира

театра
художественный
руководитель
миндаугас карбаускис
маяковского

периодический
печатный орган
98-й сезон

№3 март
2021

Сергей Бархин на фоне декораций к спектаклю «Ромео и Джульетта» в Щукинском училище. 1975 г. Фотография Юрия Роста.

обычно на театральных афишах пишут «художник спектакля такой-то» или «сценограф такой-то», он же просил писать так:

пространство сергея бархина

Сцена, костюм, мебель, книга — все, с чем бы ОН ни соприкасался, становилось ЕГО пространством...

Сергей Михайлович родился 31 марта 1938 года в Москве в семье архитекторов: начальника кафедры необоронительного строительства Военно-инженерной академии им. Куйбышева Михаила Григорьевича Бархина и профессора Московского архитектурного института Елены Борисовны Новиковой.

«В детстве мы знали, что в нашей родословной были Хлудовы, Найденовы, Новиковы. Мы смотре-

ли семейные альбомы, видели какие-то именья, роскошные интерьеры, но подробностей не знали, спрашивать было неудобно, а разъяснить никто не стремился. Бабушка, мамина мама, была наследницей очень богатых людей, но жила в большой бедности. Мы приходили к ней в гости, в ней была некая величавость, что-то такое значительное. Дедушка был очень красивый человек, мама похожа на него, и он тоже был немножко, как и мама, «отвлеченный». Мы знали, что он был охотником, увлекался живописью, ходил в гости к Нестерову, покупал у него картины», — делится воспоминаниями сестра-близнец Сергея Бархина, архитектор, художник Татьяна.

Как рассказывал сам Сергей Михайлович, со стороны отца они знали только дедушку: “Практически каждый выходной мы к нему приезжали на обед, и дедушка всегда старался с нами заниматься. Он был на русско-турецкой войне, и у него была масса всяких вещей — турецкая сабля, ружье, пистолет пушкинских времен, были какие-то мелочи интересные. И он придумывал игру: устраивались путешествия, выдвигался на середину комнаты диван, на него ставилась подозренная труба из красного дерева, мы все в это погружались. Потом переезжали в другую комнату, где стоял резной столик, на нем — какие-то блюдечки, попутно он рассказывал истории. И еще любил нам читать вслух. Читал Гоголя, которого, очевидно, очень любил”.

“Мама была очень талантливым человеком, и это отмечали все, и ее руководитель диссертации Андрей Константинович Буров, из-за которого, кстати, она не могла защитить диссертацию, потому что он был объявлен космополитом, — говорит Татьяна. — Ей предложили отказаться от руководителя, но она сказала: «Я не могу этого сделать». И защитилась, когда кампания по космополитизму закончилась”.

Об отце Сергей Бархин писал так: “Папа был полковник, занимался архитектурой и преподавал в Военно-инженерной академии. Безумно эрудированный человек, папа знал все, очень много читал, очень любил книги. Наш дом был завален книгами по географии, по всяким великим путешествиям. Но это не только беллетристика. Хотя за беллетристикой записывались в очереди, стояли по ночам за первыми подписными изданиями”.

В 1939 году, спустя год после рождения Сергея и Татьяны, семья переехала в дом на Ростовской набережной, который только закончили строить. Он был предназначен для архитекторов. “Можно было после войны сесть в такси и сказать: «В дом архитекторов», не называя никакого адреса”, — рассказывает Татьяна Бархина.

Детей воспитывала няня. Аграфена Михайловна девочкой приехала из деревни и вырастила мать Сергея Бархина. Для всей семьи она была очень близким человеком. “Я до сих пор вспоминаю все ее выражения. Она говорила: «Природа одолевает науку», имея в виду, что никаким воспитанием нельзя изменить то, что заложено в человеке. Она была неграмотная, но после революции поступи-

ла работать, и только у нее была продовольственная карточка, она кормила всю семью”, — делится Татьяна Бархина.

Потом была война. Одним из памятных воспоминаний детства стало возвращение из эвакуации, из города Фрунзе. “Игрушек у нас всего было три, когда мы вернулись: надувной медведь, мячик полосатый и акробат на перекладине. Тогда это было кладом каким-то невероятным. Мы познакомились с нашими родственниками, с дедушками, с бабушками, нам уже было пять лет, мы уже были взрослыми, поэтому мы всех называли на «вы!», — рассказывала Татьяна.

В 1946 году Сергея и Татьяну отдали в отдельные школы. Школа Сергея, 31-я, находилась в 3–5 минутах ходьбы от дома. Сам Сергей Михайлович вспоминает про школу так: “Нас отдали восьмью с половиной лет в школу. И я благословил бы всех, кто отдает детей позже учиться. Я был второй по росту, мог дать сдачи, и главное — что мне было легко учиться”.

О послевоенных годах Бархин вспоминает: “Все кругом были совершенно бедные. И я был дважды с минусом: во-первых, я был обеспечен — папа был профессор-полковник, а во-вторых, мы были, можно сказать, чуточку (а что значит чуточку — стопроцентно) евреи. Дети разбирались в том, кто еврей и кто богатый, очень легко. Один меня спросил, я его помню прекрасно: «Что вы едите дома?» — «Картошку». — «С маслом?» — «С маслом». — «А с каким маслом?» — «Со сливочным». — “Ну вот, а мы с растительным!”. И, помню, 5-летние, 8-летние люди это всё понимали. И дело не в страхе или антисемитизме, просто хотелось быть, как все. Бедным было быть правильно, было правильно быть с погибшим отцом. Вообще война — это страшная вещь”.

Высшее образование Сергей Михайлович получил в Московском архитектурном институте. “Архитектор в советское время был государственным человеком, но Сергей Михайлович, закончив Архитектурный институт, вдруг соскочил с «генеральского» магистрального шоссе на извилистую, непроходимую и подчиненную сомнительную тропку театрального художника, — говорит театральный режиссер Кама Гинкас. — Его прекрасное образование, занятия архитектурой и живописью открывали перед ним возмож-

ность пойти по вполне официальному пути в искусстве, стать замечательным официальным театральным художником и развивать известные традиции декорационного искусства. Но он пошел по другому пути — куда тянул так называемый авангард. Он делал нечто совершенно отличное от того, что делали все. Он родился и жил среди литературы, живописи, архитектуры и знает наизусть, где какое историческое здание, где какой храм, где знаменитая арка или еще что-нибудь. И я всегда восхищаюсь, как он, приезжая в незнакомый город, ходит по нему, как будто жил здесь всегда”.

Один из ярких эпизодов юности Сергея Михайловича доказывает его глубокую увлеченность архитектурой, искусством. Как-то раз, увидев в советской газете “Правда” сообщение, что в Средиземном море утонул великий архитектор Ле Корбюзье, художник вырезал его и долгое время хранил в своем паспорте. “Как-то, перебегая Бородинский мост в опасном и неполюбованном месте, я был задержан милиционером, который немедленно попросил у меня паспорт. Долго и недоуменно он смотрел на сообщение о гибели Ле Корбюзье. Строго взглянув на меня, спросил: «Кто это?» Что я мог ему объяснить? Я, не раздумывая, сказал, что это мой любимый дедушка. Теперь милиционер уже сочувственно посмотрел на меня и отпустил, не оштрафовав и не арестовав. Да и денег тогда у меня не было. С тех пор Корбюзье стал еще одним моим дедушкой”.

Спустя пять лет после окончания вуза Сергей Бархин дебютировал в качестве сценографа в московском театре “Современник”, где совместно с Михаилом Аникстом оформил спектакль “Баллада о невеселом кабачке”. Второй работой стала постановка “Тартюфа” в Театре на Таганке. Затем художник творил на сценах МХАТ им. Горького, Театра им. Моссовета, театров Вильнюса, Горького, Свердловска, Саратова, Куйбышева и др.

С 1980-х годов был постоянным соавтором спектаклей Генриетты Яновской и Камы Гинкаса в московском ТЮЗе. В 1988 году назначен главным художником Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, в 1995-м — художественным руководителем-сценографом Большого театра. С 2010-х годов Сергей Бархин регулярно выступал как сценограф спектаклей Театра имени Вл. Маяковского.

Художественный руководитель Театра Маяковского Миндаугас Карбаускис описывает начало сотрудничества с Сергеем Бархиным так: “После окончания ГИТИСа я попал в Театр-студию Табакова и первые работы делал с Александром Боровским и Олегом Шейндисом. И только спустя два года «замахнулся» на Сергея Бархина. Он предлагал настолько яркие ходы, что я должен был, наверное, спастись бегством. После «Будденброков» в РАМТе я уже не делал ни одной работы без Сергея Михайловича. Когда я пришел в Театр Маяковского, мы зажглись идеей перекрасить зал. Сейчас он у нас красный. Помпейский, с серо-зелеными колоннами. А самым интересным нашим спектаклем стал «Кант». Мне нужна была комната, а Бархин придумал комнату-театр. Это, наверно, самое удивительное его пространство. Я никогда не чувствовал себя наравне с Сергеем Михайловичем. Не потому, что я моложе. Я преклоняюсь перед ним. Мне кажется, в нашем союзе художник первичен”, — поделился Миндаугас Карбаускис.

“Он был широкий, — рассказывает заведующий художественно-постановочной частью Театра Маяковского Алексей Егоров. — Меня поражал его масштаб, как он охватывал все сразу, зрением, как кинокамера. Садился в 1-й ряд амфитеатра и говорил: «Я все вижу»”.

Всего Сергей Бархин оформил более 200 постановок в России и за рубежом. Был автором проекта художественного оформления (совместно с Давидом Боровским) Музея-квартиры В.Э.Мейерхольда, основателем и долгое время заведующим кафедрой сценографии РАТИ-ГИТИСа (1992–2007), профессором, академиком Российской академии художеств, членом Союзов архитекторов, художников, театральных деятелей и писателей Москвы.

Перечислять профессиональные награды Сергея Бархина можно бесконечно: народный художник РФ (1998), заслуженный деятель искусств РСФСР (1991), академик Российской академии художеств, лауреат Государственных премий РФ (1993, 2001), лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, был удостоен премий “Золотая маска”, “Хрустальная Турандот”, “Триумф”, “Чайка”, “Театральный роман”, “АрхиП”, премий Станиславского, Фонда Олега Табакова и др. &

александр островский
ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ
 пространство
 сергея бархина
2012

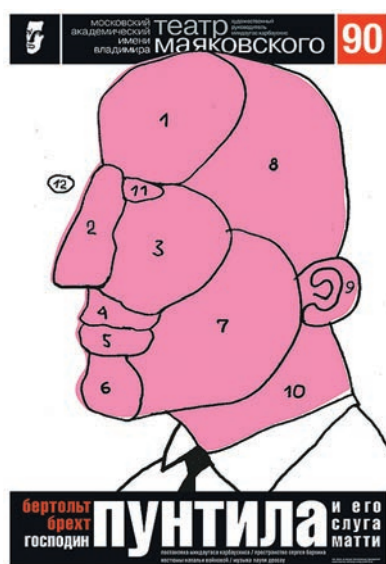
Фото Дениса Жулина

Мой любимый Островский! Это был первый спектакль в Театре Маяковского для Карбаускиса, ставшего в том году художественным руководителем. Весь театр поверил в "ржавое железо", казалось бы, не подходящее для "Талантов и поклонников" и театра Островского. На сцене в качестве декорации заработал круг-карусель. Вокруг круга и внутри него — два ржавых кабинета, один угол каждого закругляется. Самое сильное впечатление на меня произвел работник сцены, поливающий железо солью (процесс создания ржавчины. — Прим. ред.), одетый в костюм, маску и перчатки. Это был настоящий, может быть, самый лучший театральный костюм.

— **СЕРГЕЙ БАРХИН**

Для Сергея Михайловича было важно использовать настоящую ржавчину. Я долго искал варианты, но все было не то. Мы пошли в комиссионный магазин, во дворе стояла огромная амбарная дверь, на которой ключьями висела ржавчина. "Вот что мне нужно! Вот что мне нужно! Вот такой добейтесь", — восторженно воскликнул Бархин. И мы начали добиваться: купили двуокись железа и респираторы, запустили химический процесс. "Вы меня простите! Вы меня простите", — извинялся Сергей Михайлович за ядовитый запах раствора. Мы его просили отойти, но он не отходил. . .

— **АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ**

бертольд брехт
ГОСПОДИН ПУНТИЛА И ЕГО СЛУГА МАТТИ
 пространство
 сергея бархина
2012

Фото Дениса Жулина

Чтобы проверить, достаточно ли хорошо показана на сцене Финляндия, приезжал человек из посольства Финляндии. На заднике был рельеф финского хутора с хвойным лесом в белых снегах, на авансцене — множество бутылок из-под финской водки, простые ящики. Я-то вспоминал бутылки, сделанные Алваром Аалто (финский архитектор и дизайнер, один из ведущих представителей модернизма в Северной Европе. — Прим. ред.). Но теперь их не было. Я не оправдал надежд Миндаугаса. — **СЕРГЕЙ БАРХИН**

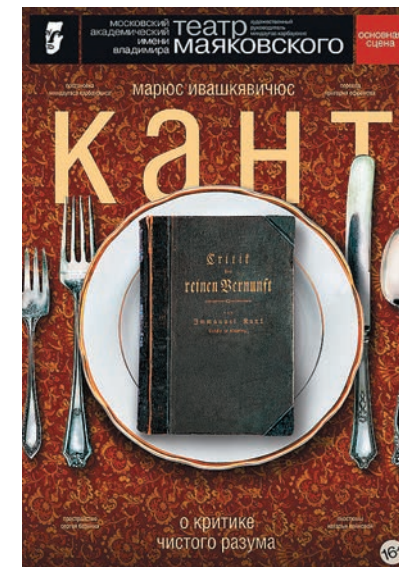
Очень интересной была работа над этим спектаклем. Бутылки делали специально, под заказ, тиражом 400 штук. Цвет декорации был очень важен, и мы долго его подбирали. "Оттенок белый, но чтоб не белый", — говорил Сергей Михайлович. И, чтобы добиться этого, мы начали смешивать краски. Был большой объем работы, и он снова извинялся за масштаб. — **АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ**

Вспоминая могилу Канта в Кенигсберге, хотелось сделать что-то эзотерическое. Мы возвели на сцене красно-розовый шестигранник, внутри которого — стол для обедающих друзей философа Эммануила Канта, а за ним — зрители. Был большой успех автора, режиссера, художников, актеров и всего театра. Вот что написал мне театровед Лазорайтис о спектакле "Кант": "Уважаемый Сергей Михайлович, мы

тут в Литве страстно ловили вести «с фронта» о премьере «Канта», а потом охали от восторга, обсуждая сотворенный вами «модуль» и его трансцендентные и прочие исключительные сценические свойства. И даже не видя самого спектакля, мы все сошлись во мнении, что тут вам удалось совершить значительный прорыв в новое время, в театр нового измерения». — **СЕРГЕЙ БАРХИН**

Фото Виктора Сенцова

мариус ивашквичюс
КАНТ
пространство
сергея бархина
2013

Карбаускис бредил театральным зеркалом. На авансцене слева и справа было множество предметов антикварной мебели. За этим первым слоем располагалось зеркало сцены в виде горизонтально лежащего эллипса. Затем — наклонно лежащий черный полированный огромный стол с белыми линиями построения эллипса. На нем должны были разыгрывать спиритический сеанс

с Гросманом. Сзади был еще один громадный, во всю сцену эллипс, через который зрители видели яркое синее небо, символизирующее бесконечность. За множеством стульев вокруг эзотерического стола должны были сидеть все персонажи спектакля — участники спиритического сеанса. Я был совершенно удовлетворен. — **СЕРГЕЙ БАРХИН**

Фото Сергея Петрова

лев толстой
**ПЛОДЫ
ПРОСВЕЩЕНИЯ**
пространство
сергея бархина
2015

марюс ивашкявичюс
русский роман
 пространство
 сергея бархина
 2016

Фото Сергея Петрова

Тут мы делали очень-очень простую историю. Сцена совсем незаметна. Она скромная. Меняются только мебель и свет. — **СЕРГЕЙ БАРХИН**

В «Русском романе» — очень скромное пространство. Немножко конструктивизма, работа над задником, чтобы фон не был плоским, скучным. На сцене — печка, шкаф, копка сена. Принципиальным моментом для Сергея Михайловича было, чтобы доска на полу пространства

была шириной 30 см, зазор между досками должен был быть непременно 1 см. "Я не знаю, из чего вы будете делать сено. Я предлагаю из бумаги: покрасить, нарезать тонко и клеить рядами", — предложил Сергей Михайлович. Но бумага была очень недолговечным вариантом. Я сказал, что подумаю, и поехал на дачу. В бане увидел мочалку. Родилась идея купить мочалок и покрасить — они были крепче, чем бумага. Сергей Михайлович принял мое предложение. — **АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ**

марюс ивашкявичюс
ИЗГНАНИЕ
 пространство
 сергея бархина
 2016

Фото Сергея Петрова

Эту сценографию больше сочинил сам Карбаускис. Я решил следовать просьбам режиссера. Но главное, ГЛАВНОЕ я решил сам. В качестве определяющего материала выбрал сизый металл, который называется магическим, почти дворянским словом «декапир».

Из этого сизого железа был сделан ящик максимальной высоты и сложной формы, с углублениями, выступами и отверстиями. Светящиеся красные и синие трубки дополняли пространство. — **СЕРГЕЙ БАРХИН**

Спектакль “Обломов” — это грандиозное пространство света. Удивительные, переливающиеся цвета мебели достигаются путем соединения краски и света. Было сложно подобрать эту палитру, но Сергей Михайлович нарисовал примерный эскиз с комментариями: “Это немножко желтее, это краснее”... Во время работы над “Обломовым” я приехал к нему на дачу, он сидит весь валяпанный, весь в краске, как маляр. Делал эскиз.

Еле утвердили материал мебели. Там два одинаковых гарнитура. Где-то — карельская береза, где-то — корень тополя. Манеты мебели выбирали из каталогов. Сначала он хотел делать русский лубок, но представил палех и сразу, за 5 минут, передумал: “Лучше пусть все будет размыто. Только эти фигурки мне достаньте, купите настоящие скульптурки”. — **АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ**

Фото Сергея Петрова

иван гончаров
обломов
пространство
сергея бархина
2018

Тут ядро оформления — декорационные панорамные стены павильона из шинельного сукна. В работе использовались 6 видов сукна: солдатского и генеральского. Стиль спектакля — минимализм. Зритель видит окно, дверь и стол, на столе — богатое убранство. На одной стенке планировалось разместить часы, на другой — барометр. Потом он отказался от барометра.

Изначально Сергей Михайлович ориентировался на мебель гитлеровской эпохи. Смотрел архивы, альбомы. Но она оказалась вся ампирная. И он нарисовал эскизы сам. Изготовили мебель в Москве. Он хотел, чтоб было ни грустно, ни скучно, ни весело. Тут бессловесная графика, чистая геометрия. Чтобы каждый понимал по-своему. — **АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ**

Фото Дениса Жулина

томас бернхард
семейный альбом
пространство
сергея бархина
2020

портрет художника

Можно долго и бережно собирать воспоминания о Сергее Бархине друзей, коллег и современников, наверное, можно выпустить даже целый альманах историй, памяти и восхищений. Но, наверное, ничто не нарисует его портрет лучше, чем он сам, выложив на своем официальном сайте списки того, что

ему нравится, того, что ему не нравится, того, о чем он вспоминает в старости и перед чем благоговеет. Прочитайте эти несколько списков не спеша, вдумчиво и оцените, какой невероятной глубины, ума, самоиронии, страсти, любопытства, таланта был, есть и будет народный художник России Сергей Михайлович Бархин.

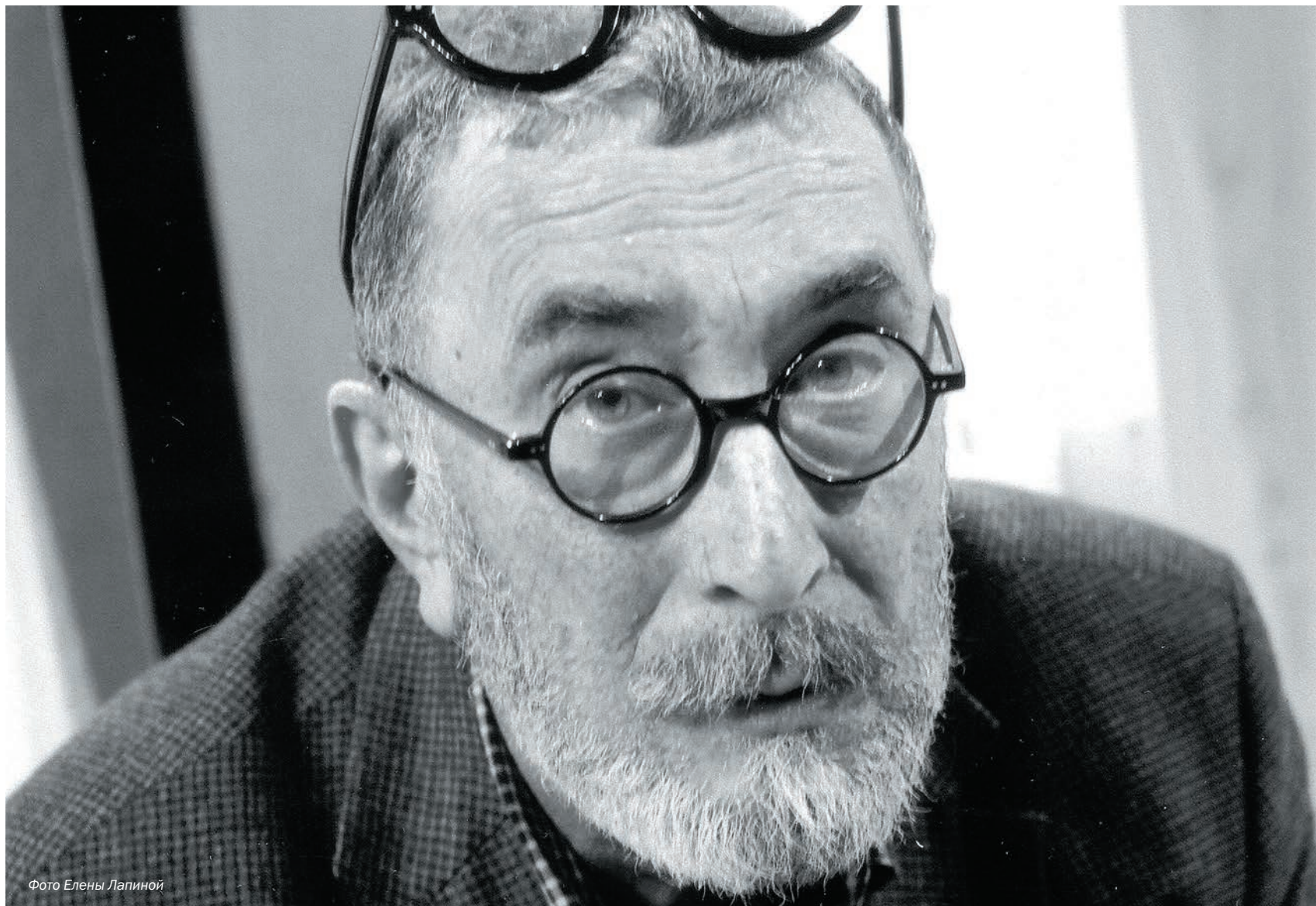

Фото Елены Лапиной

НРАВИТСЯ

1. Все СОБАКИ вообще
2. Мушкетеры — дружба
3. Паоло Учелло — средневековые битвы
4. Черепаховые очки
5. КНИГИ как вещь
6. Книги — тексты
7. Китай и цветные тарелки
8. Камни и драгоценные камни
9. Китайская тушь
10. Сосны
11. И песок, и дюны, и домик Т. Манна на Куршской косе
12. Твид
13. Шляпы Борсалино
14. Испания
15. Матисс
16. Жирафы, тигры, слоны
17. ЖЕНЩИНЫ!!!
18. Суп из щавеля со сметаной и яйцом
19. Черные трюфеля
20. Эпикур и Сенека
21. Светло-зеленая краска — Поль Веронез
22. Псковские церкви
23. Ле Корбюзье

НЕ НРАВИТСЯ

1. Партии
2. Начальники
3. Плохие гостиницы
4. Старые ели и такой темный сырой лес
5. Теперь, в старости, — большие города
6. Крысы
7. Быть пьяным
8. Нерадивые ученики
9. Львиный РЫК партии и вообще рык
10. Собрания
11. Выборы
12. Рыба с костями
13. Одиночество
14. Эскизы декораций маслом
15. Критики театра в 1969 году
16. Эгоизм Крымова
17. Советские, постсоветские и всякие ВОЖДЫ
18. Националисты
19. Официанты
20. Милиционеры
21. Забывающие друзей
22. Неверные жены
23. Культ
24. Успехи других людей

ВСПОМИНАЮ В СТАРОСТИ

1. Бабушку-няню Грушу, Аграфену Михайловну Кузнецову, и ее кисть руки и жилки на ней
2. Маму и ее обещание, что я возрадуюсь
3. Сосны на Николиной горе, в Дзинтари и в Ниде на косе
4. Кафку-Кавочку, мою первую собаку — болонку-кобелька
5. КИТА — таксу
6. Книги А. Великанова — два тома “Английский дом” и первое издание Палладио (1580 г.)
7. Часто князя и макетчика И. В. Друцкого
8. Друга детства — Юрия Шкварикова
9. Первый класс, первую учительницу Е. К. Кулик и 31-ю школу
10. Поездки и встреченных людей
11. Г.Я. Мовчана, Л.Н. Павлова, А. К. Бурова
12. Е. Шифферса и М. Шварцмана
13. Д. Боровского
14. Дедушку, Г. Б. Бархина
15. Отца, М. Г. Бархина
16. Секс с И...
17. Дачу летом в детстве

БЛАГОГОВЕЮ

1. Перед природой и животными
2. Перед природой и растениями
3. Перед природой и насекомыми
4. Перед природой и минералами
5. Перед строением и работой организма человека
6. Перед русским языком
7. Перед Пушкиным
8. Перед Гоголем
9. Перед Лермонтовым
10. Перед АРХИТЕКТУРОЙ
11. Перед врачами и хирургами
12. Перед философией
13. Перед Матиссом
14. Перед Леонардо
15. Перед Учелло
16. Перед Питером де Хохом и Вермеером
17. Перед Палладио
18. Перед разнообразием красок (цветов)
19. Перед НЕБЕСАМИ
20. Перед предками

Информация с сайта:
<https://barkhin.ru/zhizn/sb-o-sebe/>